

Елена Гвозденко

Горечь
березового
сока

Елена Гвозденко

Горечь березового сока

«Издательские решения»

Гвозденко Е.

Горечь березового сока / Е. Гвозденко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-503160-0

Что должна чувствовать молодая мама, обнаружив в своем холодильнике... мужскую голову? Оказывается, это только начало невероятных событий в жизни маленькой семьи. В тот же день из детского сада исчезает ее трехлетняя дочь. Кто и зачем похитил маленькую девочку, и куда приведут героинь поиски ребенка?

ISBN 978-5-00-503160-0

© Гвозденко Е.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	25
Глава 4	28
Глава 5	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Горечь березового сока

Елена Гвозденко

© Елена Гвозденко, 2019

ISBN 978-5-0050-3160-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Переведенное время лишило часа сна, привычный утренний моцион пришлось сократить. Кое-как растолкав Дашутку, Ирина готовила завтрак, собирала дочь в садик, нанося макияж, и искала колготки дочери, которые накануне послушно свисали со спинки стула.

– Дашенька, мы опаздываем.

– Угу.

Ирина лихорадочно рылась в шкафу, и только потянувшись за стопкой белья, как из ванны раздался грохот. От испуга молодая мама отскочила от шкафа, увлекая за собой все вещи.

Разгром в ванной больше напоминал последствия землетрясения. Дарья сидела на полу в быстро растекающейся луже, на поверхности которой плавали пузырьки и флаконы. Раковина, вернее то, что от нее осталось, гордо возвышалась над обломком унитаза, и на все это великолепие из сорванного крана фонтанировала вода, щедро разбрасывая брызги по стенам.

– О, Боже, – только и смогла сказать Ирина, вытаскивая притихшую дочку в коридор. Перекрыв воду, и кое-как собрав мыльную пену с остатками геля, шампуней и различных солей, Ирина помчалась переодевать Дашутку. Благо та, растерявшаяся и испуганная даже не сопротивлялась.

– Утро добрым не бывает, – подумала я, когда раздался звонок, – шесть утра. Кого могло принести в ночь глухую? Кое-как засунув ноги в тапочки и накинув халат, я стаяла и охая, поплелась к входной двери. И только сонная одурь, притупив мою природную осторожность, позволила мне открыть дверь.

На пороге, размазывая остатки туши по щекам, и пытаясь пригладить прическу, которая навевала мысли о Пизанской башне, стояла Ирина.

– Что стряслось? Пожар, разбой, землетрясение, наводнение? – Сонный мозг продолжал в заданном направлении: – ураган, цунами, ядерный взрыв, химическая атака, налет террористов...

– Хуже. Конец света в отдельно взятой квартире.

– Пробки перегорели?

– Настя, пойдем со мной.

Перешагнув дверь Иркиной квартиры, я чуть не упала, поскользнувшись на вытекающем из ванны ручейке. Вся квартира была наполнена парами, и сквозь это банное безобразие пробивался запах дыма.

– Каша, – выкрикнула Ирина и умчалась на кухню. Я осторожно пробралась в комнату, и увидела Дашутку, сидящую на куче белья на полу, одетую в курточку, и, несмотря на апрель, в валенки и зимнюю шапку, причем ребенок старательно подвязывал шею мамиными колготками.

– Что происходит?

– Ванную посмотри.

Ирина, конечно, никогда не отличалась маниакальной чистоплотностью, но такое слишком даже для нее. В углу грудой лежали флаконы и банки, вперемежку с осколками унитаза и раковины. Обломанный смеситель сиротливо валялся в ванной, а унитаз был скорее похож на скульптуру сумасшедшего авангардиста, этакий осколок с начинкой в виде разбитой раковины. И это все в шесть утра?

– Кто взорвал твою квартиру? И почему твой ребенок, одетый, кстати, в валенки и ушанку и подвязанный твоими колготками, сидит на полу?

– Да не было никакого взрыва, это Дарья первый раз самостоятельно зубы чистила.

– У твоего ребенка большое будущее.

– Ей захотелось достать банку с новым кремом, а раковина давно шаталась, Дашка испугалась, схватилась за полочку, потом за кран.

– Это все сделал трехлетний ребенок?

– Это все сделало хроническое безденежье и отсутствие мужика в доме. В этой квартире жить невозможно.

– Ты что просишься на постой? Учти, мужика у меня тоже нет, ну как-то не приживаются они на нашем этаже.

И это было правдой. Наша старенькая пятиэтажная хрущевка была своеобразным Иваново, почти женским общежитием. Здесь доживали свой век одинокие бабки, чей сварливый характер не позволил их мужьям загоститься на этом свете, старые девы, и женщины после разводов. О том, как мы уживаемся в одном дворе можно писать романы. В наших насквозь пропахших кошачьими миазмами подъездах, порой разыгрываются настоящие войны, с войсками, построенными «свиньей», с шумовой атакой, в виде хора возмущенных старушек, и даже активных боевых действий, когда эти самые милые бабульки врываются на территорию неприятеля, пытаясь установить «порядок». И как всякая война, она идет с переменным успехом, хотя на стороне пожилого поколения – их многолетняя сплоченность против врага. Образ врага постоянно меняется, а сплоченность остается.

– Попробую Дарью пристроить к бабушке, а тебя хотела попросить дождаться сантехников. Я им попозже позвоню. Ключи у тебя есть. И еще... мне не совсем удобно...

– Две тысячи одолжить могу и подарить раковину. Я перед ремонтом купила, но ты же знаешь, Денис подобрал всю сантехнику в тон. Хотя какая-то польза от нашего полугодового романа.

– Спасибо, – Ирина старательно прятала взгляд. На зарплату рядовой учительницы, да еще с ребенком на руках, восстановить квартиру сложно.

– Мы опаздываем уже, – Ирка разматывала колготки с Дашкиной шеи, одновременно стягивая валенки и ушанку.

– В шесть утра?

– Уже половина восьмого. Вчера часы перевели. Возможно, не приду ночевать сегодня. Сама видишь – некуда, если что – позвоню, и спасибо...

Ирина опять потупила взор. Для меня до сих пор остается загадкой, как, живя в нашем непростом мире, каждый день, общаясь с подростками, Иринка сохранила застенчивость тургеневской барышни.

– Кто рано встает, – напевала я, включая компьютер. Накануне засидевшись за редактированием своего рассказа до ряби в глазах, я так мечтала выспаться. Загрузив текст, поняла, читать его, а тем более редактировать, я не смогу, пока не высплюсь. Кровать манила неубраным бесстыдством. Вообще-то писательство пока хобби, зарабатываю на жизнь мелким бизнесом, у меня две торговые точки, а пачкание бумаги – для души. Вот так, в сорок лет ощутив вдруг в себе необъяснимый зуд, и благодаря множеству книг по психологии, я поняла, что лучше не травмировать психику лишним «нельзя», а приобрела компьютер, и позволила моим безвекторным мыслям уложиться в синтаксический порядок.

Написав что-нибудь мало-мальски цельное, сохраняла текст, тут же забывая о нем. Теперь мои амбиции возросли до лицемерия своих опусов на бумаге, для чего был куплен принтер, и множество папок. Воспитана я в уважении к печатному слову, все, что подлежало распечатке – должно правиться, корректура – плата за «бумажные» амбиции.

Выдернул меня из сна настойчивый звонок. Почему-то решив, что звонит сотовый, встряса все из сумочки, проверила карманы брюк, добежала до коридора, но тут в мою дверь послышались удары.

– Да что ж такое?

На площадке Марья Васильевна, тетя Тоня, и гроза нашего двора, самоизбранная «совесть» дома – Клавдия Александровна. Выстроились они, как и следовало ожидать, «свиньей», во главе с «совестью».

Неприятельская армия была вооружена лопатами, граблями и мотыгой. Силы были явно неравны, и троица, отодвинув меня, прошествовала в квартиру.

– Ты что ж творишь, империалистка, буржуйка недорезанная?

Не давая опомниться, вся тройка двинула вглубь, к ванной комнате и кухне.

– Разворовали Россию, простым людям жизни нет.

– В чем дело? Кто вам разрешил вламываться в мой дом?

Троица меня игнорировала, Клавдия Александровна вела свое войско согласно схеме водопровода в моем доме.

– Странно, все сухо, – дала она отбой. Маленькие глазки тети Тони бегали по сторонам, отмечая и грязную посуду, оставшуюся с вечера, и слишком откровенное белье на веревке в ванной. Марь Васильевна «стреляла» по-крупному – модель моей стиральной машины, холодильник из нержавейки, шкаф-купе, и самое страшное – посудомоечная машина.

– Кузьминичну затопило, снизили они до объяснений.

– А лопаты вам зачем? – нелепое утро рождает нелепую реакцию.

– Так мы на кладбище собрались, мужиков наших подправить.

Неприятельская армия, козырнув лопатами, ретировалась. Стоя под душем и размышляя о влиянии социума, я пришла к неутешительному выводу – есть что-то общее в желании «подправить». Бабушки наши, настервенева за свою нелегкую жизнь, ускорив отход своим половинам, «правят» их даже после смерти, приводя их жилище только в им ведомый порядок. Подменяют память «приличиями». Мое желание «править» свои расхристанные мысли вообще вне всякой логики. Мысли перескочили на гель для душа и бальзам для волос, и без всякой связи в голове вдруг стала рождаться сказка о волшебной стране, где все были «правильными», ходили исключительно строем, и растили квадратные овощи. Очередной бред, который занозой засядет в голове, разрастаясь, и стихая. Похоронить его можно только в моем компьютере. А дальше два варианта – забыть или «править» после смерти. И тут до меня со всей очевидностью дошла мысль, что все мое писательство-всего лишь попытка похоронить что-то в себе.

На этой невеселой ноте я и запретила своим мыслям фриivolность отступления. Забота о хлебе насущном выгнала меня из дома «разведать» новую оптовку.

В нашем дворе длинные скамейки давно превратились в штаб неприятеля. Это место сбора пожилой части нашего дома. Мне еще ни разу не удавалось видеть лавочку пустой, даже в дождь и снег обязательно дежурил часовой, какая-нибудь Кузьминична или Фоминична. Подробное досье на каждую по пунктам: кто, с кем, от кого – велось с дотошностью канцелярии Лубянки. Длина юбок, прически, декольте определяли статус женщин. Категорий всего две – порядочные женщины и шалавы. В первую входили все рано овдовевшие старушки и Нина из первого подъезда – серенькое незаметное создание неопределенного возраста. Все остальное население дома входило во вторую категорию, презрительно называемую «молодежь». Мне определение даже льстило. В свои сорок два ношу мини и шокирую дворовый бомонд затейливыми декольте. Со мной бесполезно вести разговор о засолке огурцов и чистке погребов. Когда-то давно, в моей прошлой жизни это все было – муж, огурцы и погреба. Слишком долго превращала жизнь в приложение ко всем этим благам. Сейчас, услышав весь этот псевдохозяйственный бред, начинаю чихать и чесаться.

Сегодня в нашем дворе особенно оживленно. Утреннее происшествие в Иркиной квартире сплотило ряды воинствующих бабулей. А ведь это нашей жизнью вы и живете, именно наши романы заставляют учащенно биться ваши сердца, именно наши декольте впрыскивают в вашу кровь адреналин.

– З-д-р-р-а-а-с-т-е-э-э, – шипение в спину, в ответ на кивок.

На лестничной площадке Ирка, губы синие, сама белая. Дверь в ее квартиру настежь.
– Что с тобой, тебе плохо?

В ответ только морзянку зубами отбивает и рукой в свою квартиру показывает. Так и застыла с вытянутой рукой, тоже мне, Ильич в октябре!

Схватила за руку, втолкнула в ее квартиру, захлопнув дверь.

– Ну?

– Там, – выстукивали ее зубы.

Пройдя по комнатам и не обнаружив ничего, что не вписывалось бы в картину утреннего взрыва, вернулась в коридор. Соседка сидела на корточках, сжав голову руками.

– Ира, что там?

– Холодильник.

Я вновь прошествовала на кухню, открыла холодильник, и поняла, на этот раз мое самаритянское желание помогать всем и вся, завело меня слишком далеко.

На большом блюде, потеснив пакеты с молоком, лежала... голова. Я захлопнула дверку, затем снова открыла. Голова не исчезла, лишь от удара дверцы раскачивалась, словно кивала, утверждая: «да, я не обман, я существую». Захлопнув вместилище ужаса, я выбежала в коридор. Ирина, словно марионетка, дала себя увести. Дома я сначала подбежала к своему холодильнику и, не без внутренней дрожи, дернула дверцу. В моем холодильнике ничего лишнего не было. Напоив соседку чаем, коньяком и валерьянкой, я добилась членораздельной речи.

Отправив Дашутку в садик, молодая мама помчалась на работу. Благо у нее всего два урока. Из школы отправилась к своей матери, уговорив ту забрать внучку вечером. Это было нелегко, учитывая их отношения. По дороге домой заскочила в ТСЖ, где, редкая удача, ей удалось застать слесарей почти трезвыми. Они обещали прийти после трех, а сейчас половина третьего.

– Давай на время спрячем это у тебя,

– Ты что, с ума сошла? Надо вызывать милицию

– Думаешь, мне поверят? В квартире полный разгром, а в холодильнике голова Дашкиного отца.

– Это ее отец? Ты никогда о нем не рассказывала.

– А и рассказывать-то особо нечего. Я для него всего лишь эпизод, у него полгорода в невестах ходят. Когда узнал о беременности – мамашу свою подослал. Та церемониться не стала – с порога меня во всех грехах обвинила, я даже и ответить ей не смогла. Да и зачем? Даренка – мой дар, только мой. Не видела его с той поры, все воспоминания выжгла. Как он в холодильнике оказался? Еще утром его там не было, точно помню. Я молоко для каши доставала.

– А где все остальное? Может там не только голова, может, где руки – ноги припрятаны.

Крадучись мы пробрались в Иркину квартиру. Вид у нас был, надо сказать, образы Гойи по сравнению с нами – символы жизнелюбия. Методично, метр за метром, обыскали Иркино жилище: заглянули на балкон, перерыли весь шкаф. Сюрпризов больше не было.

Звонок в дверь заставил нас вздрогнуть.

– Это, наверное, сантехник.

– Надо открыть. Буду на кухне, если что.

Но это был не сантехник. За дверью, угрюмо сдвинув брови, стояла Кузьминична.

– Это что ж ты себе позволяешь? У меня весь потолок в разводах. Кто теперь мне ремонт делать будет?

Иркин голосок не слышно. Кузьминична, потеснив хозяйку, упорно продвигалась в ее квартиру.

– Что стряслось? – из-за спины Кузьминичны возникла фигура слесаря Петра.

– Ой, да что вы здесь, бои без правил устраивали? – даже выдавшего виды сантехника, увиденное повергло в шок.

– Батюшки, – подвывала Кузьминична.

На соседку было жалко смотреть. Сжавшись как от удара, она сползла в угол, закрывая голову руками.

– Так, – я взяла инициативу в свои руки, надвигаясь на Кузьминичну всем телом, и продвигая ту к выходу, – пойдем-ка, посмотрим твои разрушения. Я сегодня в роли Мазая. Мой решительный напор заставил старушку ретироваться. На лестничной площадке я сунула в жадную трясущуюся руку пяти тысячную купюру, добавив, что если хоть кого-нибудь из любопытных соседок увижу на нашем этаже, противодействие примет открытую форму. Найду куда сообщить, кто ни один уж год травит окрестных алкоголиков разбавленным спиртом. По чьей вине окна нашего подъезда давно потеряли свои стекла. Локализовав неприятеля, я вернулась в Иркину квартиру, где хозяйка так и прибывала в прострации, а Петр деловито измерял что-то под сливной трубой, проводя необходимую калькуляцию.

– Ну что там?

– Короче замена унитаза, раковины, смесителя, да и трубы поменять не мешало бы... ну, в общем...

– Не тяни, Петр.

– Ну, тысяч двадцать за работу, материал.

– Петр, десяти будет достаточно. Напиши подробно, сколько труб, какого диаметра, какие шланги и соединения потребуются. Будем готовы, позовем.

Оставив листок с расчетами, Петр, наконец, покинул квартиру.

– Ирочка, пойдем ко мне, там все и обсудим. Обмякшая и безвольная она дала себя увести.

На кухне отчаянно кипел чайник, пофыркивая от явного игнорирования, а я слушала тихий монолог. Голос, лишенный эмоций, делал повествование жутким. Она не замечала меня, погрузившись в события четырехлетней давности. Лучше бы она плакала, причитала, проклинала, а так... Ирка, хохотушка Ирка, издавала звуки так мало похожие на ее речь незнакомым утробным голосом:

«Познакомились с Григорием на вечеринке у знакомых. Как он забрел туда – непонятно. Он будто из другого мира. Это был день рождения Ларисы, моей сокурсницы. Ее вечеринки всегда были оригинальными. В тот раз готовилось тоже что-то особенное. Все гости должны были явиться в костюмах, устраивалось что-то вроде литературного маскарада. Мы с Ларкой учились на филологическом, любовь к литературе был Ларкин пунктик.

Я не хотела идти, но Ольга уговорила, обещав сюрприз. Если бы я знала, какого рода этот сюрприз. Ольга, достав парик с бакенбардами, вырядилась Пушкиным, благо субтильная фигура и восточная внешность вкупе с лосинами и сюртуком, заимствованными из школьного театра делали ее удивительно похожей. Мой нос с горбинкой, длинные волосы, чуть хриловатый голос, подсказали мне образ Ахматовой. Особо думать над костюмом и не пришлось, осталось «освежить» в памяти ее стихи. Продумывать внешний вид спутника не надо, я была одинока. Помню Ольгины мучения, когда пыталась подобрать подходящий образ и костюм для ее Олега.

Застенчивый неуклюжий Олег умудрялся разбивать все, что попадалось на пути. А хакерский язык так далек от классического литературного, что вписать его в образ гения словесности, было архисложно. Ольга то предлагала, то со смехом отвергала варианты. Мне вся эта предпраздничная возня порядком надоела, и я предложила Олегу роль дедушки Крылова, благо кое-какие басни он знал еще со школы, а меланхоличность и сонная нерасторопность делала образ цельным. В день праздника, втроем собрались у меня на кухне, долго по-детски

потешались. Олег, забравшись на табурет, декламировал «Стрекозу и муравья» нарочито менторским тоном. Ольга называла его Натальей Николаевной.

Помню лицо таксиста, прибывшего по адресу», – Иришка слегка улыбнулась.

Не замечая чашки с горячим чаем, которую я сунула ей в руки, продолжала: «Ларкина квартира превратилась в салон: плюшевые накидки, свечи в канделябрах. Как хозяйка вечера Ларка в роли себя любимой. Декольтированное вечернее платье, высокая прическа, в тонких пальцах сигарета, томный взгляд. Ее Глебушка в роли лорда Байрона. Его дружок, бандитского вида Гога в косоворотке, цитировал «Русь кабацкую».

Закуски, развлечения – время бежало незаметно. В разгар веселья раздался звонок в дверь. Вошедшие представились Николаем Гумилевым и Осипом Мандельштамом. Ты не поверишь, Ахматова и Гумилев, что-то тогда оборвалось внутри меня. Осипа Мандельштама изображал Рудик Штольц. Шутил по поводу отца-перчаточника, «постреливал» глазами в мою сторону. Смешно, но отец Рудика, также как и отец Мандельштама торговал перчатками. Он владел трикотажной фабрикой, и еще чем-то там. Тот, кто скрывался под маской Гумилева, был для меня полнейшей загадкой.

Подсев на правах литературного мужа сыпал стихами Гумилева. Шутил, вспоминая «наше» венчание в 1910 году, и «свой» сборник «Жемчуга», изданный в том же 1910».

Иришка замолчала. Каким-то замутненным взглядом посмотрела на чашку, которую держала и продолжила совсем бесцветным голосом:

«Вино кружило голову, от ненавязчивых комплиментов горело лицо. Казалось, судьба свела нас в уютном и каком-то сюрреальном мирке. Ко мне домой мы отправились вдвоем. По дороге он шутил, что нашего сына Левушку давно заждался мир ученых. Наутро так боялась открыть глаза. Тогда уже чувствовала, праздник не может длиться вечно. Разбудил меня запах кофе. Узнала, что Николеньку Гумилева на самом деле зовут Григорий, только утром. На вечеринку его привел Рудик, с отцом которого у Григория совместный бизнес.

Гриша подарил мне самый сказочный месяц в жизни. Косметические салоны, модные магазины, клубы, какие-то показы, выставки. День был расписан по минутам. Расставались только, когда я была на работе. Через месяц он исчез так же внезапно, как появился.

Он не оставил мне никаких координат, кроме сотового, который был отключен. Разыскав Рудика, набросилась на него с расспросами. А тот, ухмыляясь, выдал мне «тайну» интереса Григория. Пресытившись дешевой любовью дорогих шлюх, они поспорили, за какой срок из синего чулка можно сделать девушку, которую не стыдно вывести в свет. На институтской фотографии Григорий увидел меня. Узнать, кем я буду на Ларкиной вечеринке совсем просто. Дальше по сценарию – шмотки, новый красивый мир. Пари он заключил на месяц. По мере моего «облагораживания» он устанавливал очередь на меня среди себе подобных. Слушала Рудика и не верила. Набросилась с кулаками. А Рудик вызвал мне такси и прошепел: «Дура, да я ему из-за тебя машину проспорил».

Через две недели поняла, что жду ребенка. Телефон Григория неожиданно «ожил», я сообщила ему о будущем отцовстве. Даже не знаю, что сподвигло меня на это откровение», – девушка замолчала, будто заново переживая страшные события.

Я боялась нарушить тишину, нелегко даются откровения. Каждый день видела соседку, общалась, не подозревая, через что ей пришлось пройти. Ирина подняла голову, будто решившись: «Начался настоящий кошмар. Сизову Любовь Петровну знаешь? Без нее не решалось ничего ни в городе, ни в области. Официально она была заместителем мэра по социальным вопросам, а реально – не она мэра замещала, а скорее он ее. Все инвестиции через эту даму. Она решала кому и сколько. Когда в школу, где я работаю, пришло официальное уведомление из городского отдела образования с описанием всех тяжких моего морального падения, «несовместимого с образом учителя» меня вызвал к себе директор школы. Я благодарна ему, он не выгнал, не устраивал разборки, но слухи по школе ползли...

Что я тогда выдержала. Травля продолжалась. Когда беременность стала очевидной, мне пришлось уйти из школы много раньше, чем наступил мой декретный отпуск. Моя мать звонила мне трижды в день, обвиняя в распутстве, погубленной жизни. За месяц до рождения Дашки меня посетила мадам Сизова. Вот уж кто в выражениях не стеснялся. Если опустить ненормативную лексику смысл выступления сводился к следующему: если буду и в дальнейшем упоминать ее сына в связи с моим интересным положением, растиражирует эти фотографии. Она бросила мне в лицо снимки, где я и Григорий в недвусмысленных позах. Григория узнать было невозможно, а вот я... Этот поганец снимал все наши интимные встречи. С тех пор я запретила даже в своих мыслях связывать Дашутку и этого человека. У нее нет отца. О его существовании и существовании мадам Сизовой я не вспоминала. Настенька, откуда он взялся, в моем холодильнике?»

– Давай-ка ты отдохнешь, а я пока съезжу в одно место, а там будем решать, что со всем этим делать.

Я уложила Иришку на диван, а сама отправилась к своей подруге Алевтине, надеясь получить необходимую информацию. Алевтина – жена владельца нашей городской газеты «Взор», а так же, ведущий журналист. С Алькой мы ходили в один детский сад и в одну школу. С Алькой я могла быть откровенной, зная, что эти откровения никогда нигде не всплывут. Договорились встретиться в ближайшем к редакции кафе. Подруга уже поджидала меня, потягивая кофе.

– Настенка, как дела? Твое затворничество не обсуждал только ленивый. Чем ты занимаешься, закрывшись в четырех стенах?

– Алька, цветешь!

– Не льсти, корыстная ты наша. Не хочешь рассказывать, не надо. Напишешь, дашь почитать?

– ?

– Да, ладно, ладно.

– Откуда дровишки?

– Из леса, вестимо. Как ты хочешь в городишке, где обитают несколько десятков тысяч дальних родственников скрыть появление нового автора?

– Мне нужна информация, без вопросов и без утечки.

– Спрашивай.

– Кто такая Сизова Любовь Петровна? Чем занимается в настоящее время? Что ты знаешь о ее сыне Григории?

– Если бы не обещала не спрашивать... Не нравится твой интерес. Три года назад без ведома этой мадам в городе даже птичка не нагадила бы. А пару лет назад она внезапно исчезла. Не поверишь, даже упоминание имени – табу. А Гришка, ее бездумный сынок, мажористый парень, с ним много скандалов и скандалчиков связано, придушенных на корню. Здесь у него была доля на трикотажной фабрике, какие-то дела в области, поговаривали, что и в Москве. Но он также внезапно пропал вместе с мамашей. Есть у меня, правда, кое-какие догадки, не уговаривай – делиться не буду.

– У тебя знакомые в органах есть?

– Не нравятся мне твои вопросы, подруга. А что надо?

– Да так я...

– У тебя неприятности?

– Да не у меня, ладно, ты пока не поднимай связи, определяюсь-сообщу.

По дороге домой я размышляла о том, что узнала от Альки. Яснее не становилось, только тревожнее.

Квартира встретила тишиной, Ирки на диване не было. Ломая голову над исчезновением соседки, поплелась в ванную. Воду отключили! Налила себе чашку чая, включила телевизор, бездумно щелкая пультом.

Фантазмагория. Разруха в соседской квартире, непонятно откуда взявшаяся голова в холодильнике, жуткая исповедь соседки. Загадочные Сизовы. Куда делась Ирка? Я нашла запасные ключи от ее квартиры, надеюсь, она простит мне вторжение.

За какой-то день уютное обиталище одинокой мамы и ее малышки превратилось в декорацию фильма ужаса. Пробравшись к холодильнику, сделав глубокий вдох, я потянула на себя дверку... Голова исчезла. Вернувшись в свою квартиру, я вновь и вновь перебирала события сегодняшнего дня, когда «ожил» мой сотовый. Ирка всхлипывая, просила меня никуда не уходить, и отключилась.

Как же я ошибалась, наивно полагая, что ничего хуже случиться уже не может.

– Они украли Дашутку.

– Что ты говоришь? Кто они? Как украли?

– Мне позвонила мать, просила прийти в детский сад. За Дарьей приходил ее отец, отец... Настя, ты хоть что-нибудь понимаешь? Отец... Без головы... – Ирка хохотала.

– Понимаю, что день не из легких, но вот твоя истерика сейчас ни к чему, – я старалась говорить и говорить, наполняя стакан водой и наливая успокоительное, хваля себя за предусмотрительность, мой забег в аптеку не помешал. Хохот перешел в плач.

– Пей, – почти насильно влила лекарство в рот подруге. Кладение зубами прекратилось.

– Ты сообщила в полицию?

– Нет.

– Почему? Сколько времени прошло с тех пор как Дашутку забрал неизвестный?

– Часа полтора, наверное. Настя, какой отец? – голос Ирки опять начал подрагивать.

– Звони.

– А голова?

– Нет там никакой головы, я смотрела.

– Куда она делась?

– Не знаю, пошли к тебе, позвоним в полицию и будем ждать у телефона, может похитители как-то проявятся.

Я уже начала забывать, в какой квартире живу. Иринка набрала номер полиции, долго объясняла, что произошло, а я методично обследовала квартиру на предмет непонятных голов и прочих несуразностей.

– Они сказали подойти, написать заявление. Настя, я пойду?

– Конечно, попробую через свои каналы что-нибудь узнать.

Хорошо, что Алька дома. Мне достаточно было в нескольких словах обрисовать ситуацию, и уже через полчаса моя квартира напоминала штаб по спасению Дашутки. Алевтина, ее муж Алексей и Валерий – человек, который в прошлом занимал определенный пост в органах, а сейчас свободный от каких-либо обязательств – так многозначительно представила его Алька.

Иринка появилась спустя час. На нее было страшно смотреть.

– Ну что?

– Обещали позвонить.

– Это моя подруга, Алевтина, ее муж, Алексей и Валерий. Думаю, этим людям можно доверять. Мы собрались здесь, чтобы попытаться помочь тебе и Дашутке, так что соберись, расскажи все с самого начала. Пока Иринка рассказывала, я заварила чай, сервировала столик, пригласила гостей.

За столом повисло тягостное молчание, рассказ Иринки произвел впечатление.

Первым заговорил Валерий: «Попробую узнать по своим каналам, кому поручили расследование. Мне кажется, не стоит сильно рассчитывать на помощь правоохранительных органов в этой ситуации».

– Сiju с вами, а мне из полиции должны позвонить. Я им оба телефона дала, вдруг на домашний позвонят?

– Давай мы все пойдем с тобой, – Алексей поднялся, что-то достал из сумки, которую принес с собой, – это радиотелефон, в твоей квартире жить невозможно, вот мы и решили, что ты останешься у Насти пока. А связь, действительно, нужна.

Мужчины и Ирина ушли в ее квартиру, а мы с Алевтиной, убирая со стола, решали, что делать.

– Ирка не все сказала. Днем встречаю ее у квартиры, дрожит, в сторону квартиры показывает. Я вошла, а в холодильнике – голова мужская. Иринка узнала отца Дашки, некоего Григория Сизова. Его мамаша, которая в свое время сделала все, чтобы имена ее и сына никогда не произносились в связи с появлением Дашки на свет, очень влиятельная дама. Ирка до сих пор ее побаивается. Вот тогда я и помчалась на встречу с тобой, в надежде разузнать что-нибудь о Сизовых. Вернулась – Ирки нет, голова из холодильника исчезла.

– Если бы я тебя не знала, подруга, вот уже сорок лет, решила бы что вы с соседкой переехали накануне. Я хоть и журналистка, и почти все статьи сейчас с легким кремовым оттенком, но то, что ты несешь – ярко желтого цвета. Настен, какая голова? Да еще и Гришки Сизова, да тут бы сейчас доблестные органы асфальт дубинками рыли, пресса бы областная понаехала, а уж мы бы точно с Алексеем знали. Ты ведь девочка взрослая, понимаешь, кто за нами стоит вряд ли простил нам такую неосведомленность. Мадам Сизова слишком фигура в нашем городе, она фактически владеет маслозаводом, силикатным заводом, даже колбасные цеха ее, все здесь ее через подставных лиц. Ее и называли Матерью города.

– И такая фигура бесследно исчезает два года назад, вместе со своим сыном, который, как я догадываюсь, тоже успел «нашуметь»?

– Даже не само исчезновение меня так смущает, а табу на всяческое упоминание о нем.

– Если мадам была столь заметной фигурой, как удалось скрыть исчезновение?

– Да никто и ничего не скрывал, все знают, только предпочитают не говорить на эту тему. Предприятиями владела через подставных лиц, скорее всего эти самые лица не прекращают контактировать с ней и в настоящее время, иначе был бы передел. Как ты догадываешься, не только экономический.

– Фантастика какая-то! Тень исчезнувшей мадам до сих пор незримо руководит нашим городом? И все молчат? А сынок где?

– Наверное, там же где и мамаша. Знаешь, как его называли за глаза? Распутиным. Его бесчисленные романы, были основной темой сплетен, но вот о внебрачном ребенке слышу впервые.

– Возможно потому, что мамочек запугала в свое время мадам, как она проделала это с Иркой. Как ты считаешь, похищение Дашутки связано с семейством Сизовых?

– Эта версия самая реальная, сама подумай. Тут два варианта, либо это кто-нибудь из Сизовых, либо те, кто хотят выйти на них, используя похищение девочки как козырь.

– А может кто-то хочет поднять шумиху? Кому-то надо, чтобы об исчезновении Сизовых говорили в полный голос, а не шушукались на кухне?

– Этот вариант мне нравится меньше всего, но, наверное, он самый реальный.

– Что-то долго они там копаются, – словно в ответ прозвучала трель звонка. Мужчины вернулись одни.

– А где Ирка?

– Она хочет побыть одна, обещала через полчаса подойти.

– Настя, расскажи им про голову, это очень важно.

– Какую голову? – мне пришлось повторить свой рассказ.

– Ты видела ее своими глазами? Опиши подробно.

– Описывать-то нечего, открыла холодильник, а на средней полке мужская голова, лежит на Иркином любимом блюде из японского фарфора.

– Почему ты решила, что голова мужская? – Голос Алексея вдруг стал подозрительно-проникновенным. Похоже, он решил, что мне понадобилась медицинская помощь.

– Наличие усов и окладистой бороды не заставляло сомневаться, – тут до меня наконец-то дошло, что выбивалось из той картинки.

– Ребята, мне кажется, это был муляж!

– Настен, ты перенервничала сегодня, может, приляжешь, – Алексей разговаривал как с больным ребенком. А глаза Валерия загорелись неподдельным интересом:

– А почему ты решила что муляж?

– Я, конечно же, не сильный знаток в трупах, но голова выглядела... «свежей» что-ли. Понимаете, щечки розовые, ни отеков, ни одутловатости, этакое наливное яблочко. И еще, ни крови, ни запаха.

– Надо еще раз осмотреть все в квартире соседки. Мужчины ушли, взяв резиновые перчатки и чистый пакет.

Когда вернулись, ведя за собой Ирку, я решила уложить соседку спать, слишком тяжелым был день. Напоив снотворным, вручив в каждую руку по телефону, я дала клятву, что обязательно разбужу, если что-то произойдет. Алька рассматривала что-то, лежащее в пакете.

– Похоже, подруга, ты была права. Это, действительно, муляж, если не предположить, что разделанного Гришку нарядили в парик.

– Мы нашли несколько волосков, они явно ненатуральные, просто голова идет кругом, кому и зачем нужен был этот спектакль.

– Нам пора, – Валерий, молчавший до сих пор, вдруг разразился тирадой в адрес Сизовых. Полагаясь на мудрость утра, и взяв слово со всех и каждого, что будем держать друг друга в курсе событий, мы разошлись.

Глава 2

Я проснулась от плача в квартире. Иришка сидела на краю дивана, уткнувшись в одеяло, плечи вздрагивали, а из распухших глаз двумя непрерывными потоками текли слезы:

– На улице похолодало, а Дашутка в легкой курточке. Настя, я буду собираться в полицию, пусть делают что-нибудь, они ни разу за ночь не позвонили, пусть объявят по телевидению, в газетах.

– В сегодняшней газете выйдет объявление, не зря у тебя вчера ребята Дашуткину фотографию взяли. С телевизионщиками свяжутся самостоятельно. Ты лучше фамилию воспитательницы назови, которая вчера работала.

– Белых Светлана Эдуардовна, с ней вчера полицейский беседовал. Она девушка недалекая, приметы «папаши» и описать не смогла, только усы и бороду запомнила. Откуда такая безответственность, ведь знала, что мы с Даренкой вдвоем живем? У них есть номер моего сотового, почему не позвонила? Почему Дарья пошла, ведь объясняла же, с чужими нельзя никуда уходить.

– Дашутке всего три года, он мог пообещать что-нибудь: игрушку, мороженое... А вот Светлана Эдуардовна должна отвечать за ребенка. Давай я заскочу в садик, а ты в отделение. Возьми ключи от моей квартиры, и не стесняйся, чувствуй себя как дома.

На улице, действительно, похолодало. Мелкий, какой-то осенний, дождик норовил пробраться под тонкую курточку. До детского сада было минут десять ходьбы. Разглядывая бегущих мам, заботливо прячущих своих чад под зонтиками, я вспоминала суматошное время, когда утренний бег с Максимкой на руках начинал мой день. Сейчас у Максима своя жизнь, он – курсант военного училища. Мы редко видимся. Каково сейчас Иринке? С этой невеселой мыслью я толкнула дверь заведующей.

Любовь Аркадьевна третью неделю просыпалась с головной болью. С тех самых пор как среди ночи прозвенел звонок, и на другом конце провода низкий властный голос произнес: «Привет, подруга». Как же Любовь Аркадьевна надеялась, что больше никогда не услышит его. Она начала засыпать без снотворного, заставив себя поверить, что теперь свободна от всех обязательств, от постоянного страха.

Они с Любочкой росли в одном дворе, ходили в один детский сад, а потом в одну школу. Две подружки, две Любы. В маленьком дворике их пятиэтажки все про всех было известно. Казалось, сплетни опережают события. Когда в семье ее подруги случилось несчастье, никто особо не удивился.

Отец Любы, Петр, редко появлялся домой трезвым. В тот день он уснул на лавочке у сараев. Кумушки у подъезда даже делали прогноз на вечерний скандал в семье Сизовых, но скандала не случилось. Клавдия Сизова торопилась на завод в ночную смену и разыскивать супруга не стала. Около полуночи тишину спящего дома разбудил какой-то нечеловеческий крик, а потом звук удара. В окнах зажегся свет, на балконы выскакивали полуодетые люди. На асфальте, широко раскинув руки, лежал Петька Сизов. Врач «Скорой», прибывшей на место происшествия, осматривал тело и тихо напевал: «Орлята учатся летать». А в квартире Сизовых стояла тишина, милиционеры еле добились спящую Любочку.

Хоронили Петра всем двором. Люба дала себе слово опекать подругу и ни на минуту не отходила от нее. На поминках, слушая речи подпивших соседей, Любочка Сизова вдруг встала и громко заявила: «А я рада, что папка помер, не будет теперь напиваться и скандалить с мамкой». На нее тут же зашикали. Соседка с третьего этажа Зинаида Львовна увела девочек к себе. Там, подружки, спрятавшись под стол, долго пугали друг друга, рассказывая страшные истории. Именно тогда впервые Люба по-настоящему испугалась, увидев взгляд подруги. Черные огромные глаза смотрели не мигая: «Думаешь, он сам с балкона прыгнул? Это я его

наказала. Так будет со всеми, кто не захочет меня слушать. Мне надоело, что нас одинаково зовут, теперь я буду Люба Первая, а ты Вторая. Когда мы вдвоем, зови меня Королева, и прислуживай мне, ясно?»

Страх вползал в Любочку с каждым словом, сказанным Сизовой. Черные глаза прожигали насквозь. С криком она бросилась прочь из квартиры домой. Родители списали испуг дочери на впечатления от тяжелого ритуала. Аркадий Иванович, тихий спокойный инженер, долго пенял жене, что пошла на похороны вместе с Любочкой. С тех пор Сизову все стали звать Любой Первой, а за сараями, когда их никто не видел она заставляла называть себя Королевой и целовать вечно грязные руки. Осенью девочки пошли в первый класс.

Учеба Любочке давалась легко. Она умела читать, писать, легко решала задачи, а вот Сизова оказалась совсем не готова. Девочки сидели за одной партой, Любочка часто выполняла задания за двоих. Если на уроках Королеве не удавалось отличиться, то по числу проказ на перемене не было равных.

Как-то после родительского собрания, на котором учительница похвалила Любочку, а маму Сизовой оставила на индивидуальную беседу, Королева заявила к Любе с портфелем. Она заявила, что не уйдет пока подруга не объяснит математику. Стремление во всем быть первой усадило шалунью за учебники. Девочка с маниакальным упорством учила правила и решала задачи. Проказы забыты, исчез мстительный взгляд.

Это случилось в пятом классе. Хохотушка Танечка на весь класс высмеяла старое потрепанное платье Сизовой. Она дернула за рукав, тот оторвался.

«Королева-то голая», - заливалась Танюшка. Первая лишь молча сверкнула глазами, бросив Любе: «Сегодня домой пойдешь одна».

На следующий день школу потрясло известие – Танюшку сшибла машина, девочку не довезли до больницы. Перепуганный шофер твердил как заклинание: «Она шла по тротуару и неожиданно выскочила под колеса». В школе провели беседы по правилам дорожного движения, и постарались забыть. Только Любочка билась в истерике: «Это все она. Сизова, она и отца своего столкнула». Словно в подтверждение слов Сизовы съехали куда-то на окраину. Девочки расстались на долгих десять лет.

– Вы к кому? – сидевшая за столом дама одарила меня начальственным взглядом. Станный вопрос, если учесть, что на двери написано «Заведующая».

– Мне нужна Любовь Аркадьевна.

– Я вас слушаю. Вы родительница?

– Я знакомая Ирины, ее дочка Дарья ходит в ваш детский сад. Вчера она была похищена неизвестным мужчиной, назвавшимся ее отцом. Я бы хотела поговорить с воспитательницей, отпустившей девочку, ее зовут Светлана Эдуардовна, я не ошибаюсь?

– Так вы не родственница. Сожалею, ничем помочь не могу, у нас детское учреждение, – начальственный металл голоса креп с каждым словом.

– Ну что ж, я рассчитывала просто побеседовать, думаю с журналистами «Взора», вы будете сговорчивей.

– Хорошо, поднимайтесь на второй этаж, первая дверь налево, группа «Ромашка».

Открыв дверь с нарисованной ромашкой, я оказалась в детской раздевалке, где на низенькой скамеечке сидели два карапуза. Один пытался надеть штанишки, но ножки попадали в одну брючину. Он с сопеньем стягивал сложный предмет гардероба и начинал маневр снова. Второй самозабвенно жевал носок. Взрослых не было. Быстренько поправив огрехи в одежде малышей, я отправила их в группу, где остальные дети уже заканчивали завтрак.

Светлана Эдуардовна оказалась девицей лет двадцати, модельной внешности. Подиумной походкой она дефилировала между маленькими столиками. Громкий плач девочки, пролившей на себя какао, выдернул ее из грез.

– Машенька, опять ты облилась, сходи переоденься, – пропела Светлана Эдуардовна. Ее заторможенный взгляд споткнулся о меня.

– Не стоит отпускать ребенка одного в раздевалку. Могу с вами поговорить?

– Вы кто?

– Вчера из вашей группы была похищена девочка, ее якобы забрал отец. Не буду давать оценку вашим действиям. Я лишь хочу узнать, как выглядел этот человек?

– Высокий симпатичный мужчина с аккуратной бородкой. Тетя Настя, вы меня совсем не узнаете? Как там Максим?

– Света, дочка Эдика. То-то думаю, лицо мне твое знакомо. А почему Белых? Ах да, замуж вышла. Как папа и мама поживают?

– Хорошо, в областной центр перебрались, лишь я тут застряла. Надеюсь, ненадолго.

– Света, а вот теперь как старой знакомой, ответь мне все же на вопрос – почему ты вчера отдала Дашеньку мужчине, которого не знаешь? Света, я не полиция. Мама Даши моя близкая подруга. Я вижу, здесь что-то не так, – говоря это, я откровенно бравировала. Увидев промелькнувший испуг в глазах девушки, поняла, что права.

Воспитательница быстро взяла себя в руки:

– Почему незнакомого? Он несколько раз приходил к девочке, играл с ней. Показал Дашино свидетельство о рождении и свой паспорт. У меня не было оснований ему не доверять.

– Интересно, что же там было написано? У Дашутки в графе отец стоит прочерк.

– Ошибаетесь, Анастасия Николаевна. Там записан Сизов Григорий Львович. Он и паспорт показал, где в графе «дети» у него Дашутка записана, – в лице Светланы появилось даже некое торжество.

«А ведь она сейчас берет реванш за свой разрыв с Максимом», – думала я.

В свое время про похождения Эдькиной дочки не болтал только ленивый. Последнее школьное лето моего сына стало для нас настоящим испытанием. В один из вечеров Максим завел пристрастный разговор, что мне надо найти свою половинку, что просто глупо, ошибившись один раз, наказывать себя всю жизнь. Я сразу поняла – мальчишка влюбился. Но когда узнала имя девушки, испугалась. Не думала, что сын выберет возлюбленную, которая к шестнадцати годам станет постоянной пациенткой абортариев. Ее мать Татьяна проливала у меня на кухне литры слез. Я растерялась, а Максим, не замечая моего замешательства, радостно объявил: «В субботу пригласил Светланку к нам на пирожки».

Пока я думала как поступить и ждала злополучной субботы, все разрешилось само собой. В пятницу Максим пришел, пряча здоровенный синяк под глазом и ссадины на ладонях. Пробурчал что-то невнятное и закрылся в своей комнате.

«Все отменяется – и пирожки, и встреча. Мам, не говори мне ничего о Светлане больше. Объяснять ничего не хочу», – заявил он утром. Вероятно Максим узнал про похождения своей пассии. С тех пор прошло много времени, Максим вырос, у него появилась девушка. Он не вспоминает о Светлане. А вот Светочка не забыла.

– Светлана, я всегда с уважением относилась к твоим родителям, а вот ты, извини за откровенность, уважения у меня не вызывала никогда. Не знаю, почему ты выбрала педагогику, но сделала это зря. Здесь нельзя быть равнодушным, а уж безответственным тем более. Не буду тебе читать мораль, все, что мне надо, я уже узнала.

По дороге домой, у меня разболелся зуб. Пришлось зайти в поликлинику.

Сидя у кабинета врача, я пыталась переварить полученную информацию. Итак, что мы имеем. Дочь Иришки похищена из садика человеком, назвавшимся Григорием Сизовым. Значит, ее похитил или сам Гришка, пропавший вместе со своей мамашей три года назад, или посторонний, воспользовавшись документами Сизова. Это если Светлана не врет. Учитывая все, что знаю про эту девицу, ложь для нее – образ жизни.

Зачем было красть девочку? Требовать выкуп – просто глупо, у Ирки даже на новый унитаз денег нет. Может быть у нее есть богатые родственники и ожидается наследство? Но это маловероятно. Кто затеял спектакль с головой Гришки? Зачем вообще весь этот маскарад? Голову подложили, затем убрали накануне похищения Дашутки. Пытались деморализовать Иринку? Вопросов больше чем ответов.

Мужчина в кресле напротив что-то спросил у меня.

– Извините, не расслышала. Вы что-то спросили?

– Я поинтересовался, посещали ли вы этого врача раньше?

– Нет, но насколько знаю, врачи платного отделения работают качественно.

– И не больно совсем, – разговор поддержала старушка, сидящая рядом, – в обычной районной я такого натерпелась. Помню, как сверлили старыми машинками, маленькую дырочку в большую превращали. зуб сразу же обламывался. Целый час без укола мне корешок здоровенным молотком выбивали.

Будто иллюстрация к словам старушки со стороны кабинета послышался звук сверления. Только это больше напоминало работу производственного бура. Старушка вжалась в кресло, прошептав:

– Батюшки, что это?

Мужчина схватился за больную щеку. Звуки были ужасными. Наконец, все стихло. Мы понемножку стали приходить в себя, но вдруг раздался сокрушительный стук. Кто-то, вероятно, работал кувалдой. Старушка прошептала:

«Теперь выбивают, сердечному. Видно от их сверления зуб обломился».

Мужчина, побледнев, резко поднялся и заспешил к выходу.

Из соседней с кабинетом двери вышли перепачканные строители.

«А сынок-то сбежал», – хихикала старушка.

Лечение не заняло много времени. Мне поставили временную пломбу и назначили следующее посещение.

По дороге домой я зашла в ближайший магазин. Теперь у меня живет Ирка. Да и Алька, Алексей и Валерий вечером приедут голодные. Прохаживаясь мимо витрин, думала, что выбрать на ужин. Вдруг кто-то толкнул меня в спину. Я упала, увлекая за собой упаковки макарон. Корзина подскочила, отлетела и ударилась в самый центр пирамиды из бутылок масла. Еле выбравшись из завала я увидела довольное личико Кузьминичны: «Допрыгалась, стрекоза», – прошипела она и засеменила к кассам.

– Настюха, я же предупреждал. Что ты натворила! – ко мне на помощь спешил незнакомый молодой человек.

– Я не хотела, это случайно вышло, меня кто-то толкнул, – бормотала я в свое оправдание, удивляясь тому, что незнакомый продавец знает мое имя.

Размер разрушений впечатлял. Пока мы с молодым человеком собирали раскатившиеся бутылки, подбежала продавщица с надписью на бейджике «Настя».

– Вот видишь, я тебя предупреждал, все эти твои пирамиды – очень ненадежны.

Ну вот, и ответ на мой вопрос.

– Вы не пострадали? – это уже мне.

– Нет, вроде бы нет. Поверьте, мне так жаль. Меня, действительно кто-то толкнул.

Наконец все было собрано. Я отправилась вдоль витрин, стараясь держаться подальше. Чувство вины заставило закупить продуктов на гораздо большую сумму, чем рассчитывала. Уже у кассы я вновь натолкнулась на Кузьминичну.

– А курточку-то ты, испачкала, соседюшка, – прохихикала вредная старушка и скрылась в толпе.

Поднимаясь по лестнице, я услышала тихий плач.

«Уже начинаю привыкать», – думала я обреченно и даже не удивилась, обнаружив Ирку, забившуюся в угол лестничной площадки.

– Настя, это Дашуткин шарф. Кто-то играет со мной в непонятные игры. Только кто и зачем?

– Ты была в полиции? Что они сказали?

– Ничего нового. Задавали вопросы о Сизове. Мне пришлось рассказать об отце Даши.

– Ладно, все равно бы правда вышла наружу. Тем более что мужчина и не скрывал, что он отец Дашутки, назвался Григорием Львовичем Сизовым. У тебя случайно не осталось Гришкиных фотографий? Может предъявить их Светлане Эдуардовне для опознания. Нам надо знать, кто похитил девочку. Если это Гришка – расклад один, а вот если кто-то прикрывается его именем, ситуация кардинально меняется.

– Фотографий нет, хотя, постой. У Ольги должны оставаться фотографии с Ларкиной вечеринки, ну того самого вечера. Возможно там Сизов как-то засветился.

– Сейчас мы поедим. Не спорь, на тебя и так страшно смотреть, ты нужна сильная. Потом ты позвонишь Ольге. Надеюсь, ее телефон у тебя есть? Надо обязательно найти эту фотографию. И еще. Иришка, я понимаю, что мой вопрос звучит абсурдно, но надо исключить и эту вероятность. У тебя нет богатых родственников? Может быть ты ожидаешь какое-нибудь наследство?

– Настя, нет, нет и нет. Ни богатых родственников, ни ожидаемого наследства. И достаток у меня, более чем скромный. Даже ремонт сделать не на что. Если кто-то и рассчитывает на выкуп, то шантажировать будут Сизовых. А для них – Дашуткина жизнь и гроша ломаного не стоит.

– План такой. После обеда ты отправляешься на поиски Гришкиной фотографии.

И тут в дверь позвонили.

– Нам не дадут сегодня спокойно поесть. Ты ешь, я открою.

За дверью, с расплывшейся на лице от предвкушения новой сплетни, улыбкой, стояла Кузьминична:

– Настасья, Иринка у тебя? – Кузьминична по сантиметру проталкивала свое немаленькое тело в мою квартиру. Мне удалось приостановить этот процесс.

– Тебе она зачем?

– Да слышала, что несчастье у девки случилось, Дашеньку, нашу радость, украли.

– Интересно, а вы чем помочь можете?

– Может и помогу. Ты не командуй. Может ей помощь наша, сочувствие нужно.

– Слушайте, как вас там, если вы что-нибудь можете нам сообщить, то – милости просим, если нет – нечего тут шастать и подробности вынюхивать, Иринке и так тяжело.

– Так значит правда, украли Дашеньку, красавицу нашу, – голос Кузьминичны поразительным образом поменял тональность, сейчас она входила в роль плакальщицы.

– Ну все, хватит, – я силой выставила самобытный талант за дверь.

Тарелка Иринки осталась нетронутой. Она спрятала лицо, скрывая слезы.

– Ирина, ты взрослая женщина и должна понимать, что если заболеешь, Дашутке никто не поможет. Бери себя в руки и постарайся съесть что-нибудь.

– Не могу, все понимаю, но не могу. Где моя дочка, с кем? Может быть она голодная сейчас?

– Вот и делай все, чтобы найти девчушку как можно скорее. А то я теряю время на уговоры ее матери.

– Все пытаюсь понять, голова в этой истории каким боком. Очевидно, появление головы и ее пропажа как-то связаны с похищением Даши. Но как? Что за извращенный мозг стоит

за этим? Откуда взялся на ручке моей двери вот этот Дашуткин шарф? Я хорошо помню, он был на ней в день исчезновения.

– Кто-то пытается вывести тебя из игры. Первое что приходит на ум. Попробуй вспомнить, сколько комплектов ключей существует от твоей квартиры. Ведь кто-то свободно входит и выходит из твоей квартиры. Причем делает это с помощью ключей, следов взлома на двери ребята вчера не обнаружили.

– Есть у меня, у матери и все.

– Ты ключи теряла в последнее время?

– Где-то с полгода назад, у меня из сумочки украли кошелек, в котором были ключи.

Но был еще один комплект, поэтому новые заказывать не стала.

– Иришка, ты совсем ребенок. Надо было срочно менять замки.

– Настя, да я на колготки себе не всегда денег нахожу. Ты же знаешь, какая у нас зарплата.

– А где украли?

– Самое обидное, что в школе, из учительской. Я шума поднимать не стала. Как-то неприятно подозревать кого-либо, а денег там совсем мало.

– Теперь понятно как неизвестный пробрался в твою квартиру. Нашла Ольгин телефон? Иринка утвердительно закивала головой. Она набирала номер, когда в дверь опять позвонили. Что-то я становлюсь чрезмерно популярной в последнее время. В глазок никого не было видно. Почему-то дверь заклинило, что-то мешало ей с той стороны. С трудом мне удалось чуть приоткрыть ее. В комнату ввалилась Танька, наша соседка по этажу.

– Это что такое? – мой возмущенный голос ненадолго привел пьяную Татьяну в чувство. Она даже попыталась сфокусировать взгляд.

– А это я, после недели любви. Настька, я нашла свою судьбу и потеряла, – на эту тираду у сильно пьяной девушки ушли последние силы, и она задремала, положив голову на мои тапочки.

– Ириш, тебе придется мне помочь. Ну-ка, давай отнесем эту жертву любви в ее квартиру. Нам тут еще пьяных не хватало, – нам чудом удалось разбудить и отвести Татьяну к ней домой. На наше счастье, дверь была открыта, а замок просто захлопывался.

– Тебе удалось дозвониться до Ольги?

– Да, я сейчас поеду к ней, она обещала найти фотографии. Оказывается, у нее есть снимок, где мы с Гришкой вдвоем, причем крупным планом. После нашего разрыва она не показывала мне эти снимки.

Отправив Иришку за фотографией, я неожиданно вспомнила, что моя куртка нуждается в стирке. Проверяя карманы, я наткнулась на листок, отпечатанный на принтере:

«Не лезь не в свои дела»...

Вот это да! Теперь и меня начали запугивать. Когда мне могли подложить этот листок в карман, да еще так, что я не заметила?

Сначала посетила Любовь Аркадьевну, к столу близко не подходила, вероятность, что записка попала в мой карман в кабинете заведующей, равна нулю.

Но что-то мне не понравилось, что-то показалось неестественным.

Светлана Эдуардовна тоже вряд ли могла положить этот злополучный листок. Не могли же они заранее знать, что в садик придет некая Анастасия и будет выпрашивать. Но в садике, мне не сказали всей правды. Дальше стоматологическая поликлиника. Глупо подозревать гардеробщицу. А вот супермаркет... Кто-то толкнул меня в спину. Да еще эта Кузьминична. Почему она все время попадаете мне на пути? А если она толкнула и подложила эту злополучную записку, то почему не ушла сразу, а дождалась когда я подойду к кассам?

Я набрала номер Альки: «Привет, подруга. Что-то удалось узнать? Этим занимаешься? Жду вас вечером. Почему один Валерий? Именины свекрови святое дело. Слушай, а чем занималась Сизова? Заместитель по социальным вопросам? Она могла как-то контактировать

с Любовью Аркадьевной, заведующей Дашуткиного садика? Хорошо, я дождусь Валерия. Счастливого отдохнуть, поздравь свекровь».

До вечера осталось совсем немного времени, надо привести квартиру в порядок и постирать куртку. Я заметалась по квартире, делая сразу несколько дел. Где-то внутри меня сидел бесенок, который нашептывал: «Что, Анастасия, ждешь вечернего гостя, хочешь произвести впечатление?» Ну и зачем тебе все это? Вспомни свои романы. Последний, Денис рьяно взялся переустраивать мою квартиру, решив, что мой дом удачное прибежище от скандальной жены. Стоило мне заговорить, что пора, определиться и не мучить двух женщин сразу, он спешно ретировался, забыв свой зеленый унитаз. Хоть сантехнику поменял.

Я поставила курицу в духовку и села за компьютер. Надо проверить электронную почту. Письмо от Максимки. Пишет, что их училище, возможно, расформируют. Дадут ли ребятам доучиться? Ему осталось полтора года. Ответив на все письма, не удержалась и открыла папку, куда регулярно заносила свои мысли. Попыталась в хронологическом порядке записать все события, произошедшие со мной за последние два дня.

Какой-то неприятный запах доносился из раскрытой форточки.

«Опять наши бабульки забыли на плите свой ужин», – думала я, продолжая писать. Но запах становился все невыносимей. «Что они, сжечь нас хотят что-ли?» И тут я увидела клубы дыма, вырывающиеся из моей кухни.

Причиной дыма стал какой-то маленький предмет, почти полностью обгоревший, но распространяющий едкий запах в моей духовке. Курицу пришлось выбросить. Надо в срочном порядке искать альтернативу сгоревшей птичке, до прихода Валерия совсем немного времени. Звонок застал меня за кухонными хлопотами. Валерий принес бутылку вина и коробку конфет. Стандартное начало. Трудно быть гостеприимной хозяйкой, когда запах в твоей квартире наводит на мысли о Везувии.

– Анастасия, у вас что-то случилось, откуда такой запах? – выдержки не хватило, Валерий потерял один балл в моих глазах.

– Да я и сама не пойму. Хотела приготовить курицу в духовке и не заметила посторонний предмет. Так что курицу, к сожалению, пришлось выбросить. Надеюсь, не против поужинать рыбой?

– Я не голоден. Вы зря так хлопотали. А где Ирина?

– Ирина пробует найти фотографию Григория. Скоро должна прийти. Подождем?

– Если не возражаете, я бы выпил вина. Но для начала, давайте все-таки посмотрим, что находилось в вашей духовке.

Конечно же, я была не против. То, что мы обнаружили, ввергло меня в шок. Это был Дашуткин мяч. Игрушка порядком обгорела, но я узнала этот ее. Недавно Ирина купила дочке набор детского спортивного инвентаря, куда входило несколько мячей, кегли, корзинка для бросков. И вот теперь, этот маленький мяч, бывший когда-то розово-голубым, лежал в моей духовке черным комком.

– Ничего не понимаю. Откуда он взялся в моей квартире? Это был любимый Дашин мячик. Она не хотела с ним расставаться. Там еще сбоку маленький мышонок нарисован.

– Действительно, рисунок обгорел, но еще различим. Мне все меньше и меньше нравится это дело. Если бы речь не шла о маленьком ребенке, я попросил бы вас не участвовать во всем этом.

Ого, это первое проявление явной заинтересованности в мой адрес.

– Может мой вопрос покажется Вам немного странным, ведь в ваш дом привели меня общие друзья. Скажите откровенно, давно ли вы знаете Алевтину и Алексея?

– Алевтину знаю с пеленок. Мы ходили в один детский сад, потом в одну школу. Даже институт выбрали один. После наших замужеств, стали встречаться реже. У меня родился Мак-

симка, да и мужья не нашли общего языка. Алексея я знаю вот уже двадцать лет, ровно столько, сколько существует их брак. Почему это так вас интересует?

– Отвечу на ваш вопрос если позволите немного позже. Теперь мне бы хотелось выпить за наше знакомство, пусть и состоявшееся при таких печальных обстоятельствах. Опишите, пожалуйста, весь сегодняшний и вчерашний день.

– Трудно быть откровенной, когда наше знакомство начинается подобным образом.

– Хорошо. Позвоните Алевтине, пусть она объяснит мой интерес.

Я набрала номер Альки. Ну, подруга, подбросила ты мне типчика. Трубку долго не брали, и я уже хотела отключиться, как на том конце раздалось:

– Алло. Валерий у тебя? – Голос Альки был такой, будто перед этим она бежала марафонскую дистанцию.

– У меня и задает непонятные вопросы. А что у тебя с голосом, подруга?

– Слушай, и постарайся не перебивать. Я вышла на улицу, чтобы нам не мешали. Валерию я доверяю как самой себе. Не удивляйся тому, что он скажет. И не звони мне без особой нужды. Лучше сбрось какое-либо невинное смс, я перезвоню тебе при первой возможности.

– Ты заинтриговала меня.

– Все, мне некогда разговаривать, доверяй Валерию.

Алька отключилась, а я долго еще смотрела на онемевший телефон, стараясь что-нибудь понять.

– Теперь, вероятно, я должен объяснить?

– Да уж, потрудитесь.

– Насколько хорошо вы знали Зинаиду Александровну, маму Алевтины?

– Я же говорила, что мы росли вместе. Маму Альки я знала хорошо. А при чем здесь мать Алевтины? Она умерла четыре месяца назад.

– А что вы знаете о причинах смерти?

– Сердечный приступ, насколько мне известно. Никакого криминала. По-моему и Алевтина не сомневается в вердикте врачей. Я была на похоронах, помогала Алевтине в организации.

– Так вот, Алевтина сомневается в естественности смерти мамы. Ко мне она обратилась для того, чтобы помог выяснять все обстоятельства. Более того, подозрения Алевтины оправдались. Зинаида Александровна, действительно, умерла от сердечного приступа. Но, похоже, его спровоцировали.

– Чушь какая-то. Кому это было надо? Милейшая старушка. Она овдовела больше года назад. Жила одиноко. Алька навещала ее, конечно. Но вам ведь известно, что они жили в разных городах.

– Мне также известно, что Алька, в наследство должна получить квартиру, недешевую квартиру, между прочим.

– Ерунда. Алька не могла. Постойте. Это Алексей?

– Что вы знаете о его делах?

– Он руководит самым крупным печатным изданием в нашем городе. Я понимаю, что он, всего лишь, руководитель, а не владелец, но на жизнь им с Алькой хватало.

– В последнее время он наделал долгов. Алексей вложился, не без влияния своего шефа конечно, в предприятие, которое казалось ему выгодным. Не буду вдаваться в подробности, но это полулегальное производство БАДов. Короче, это предприятие оказалось в поле зрения прокуратуры. Сами понимаете, Алексею требовались деньги.

– Боже мой, Алька знает? Почему она продолжает с ним жить?

– У нас пока недостаточно доказательств. Вот почему я хотел предупредить, чтобы вы были осторожнее. Узнав про историю с вашей соседкой, Алексей проявил слишком большое желание помочь.

– Позвольте, а как же Алевтина? Если вы правы, она каждый день рискует, оставаясь с ним наедине.

– Пока она не вступила в права наследования, она защищена. Поэтому мы и принимаем все меры безопасности, чтобы он не догадался о том, что нам известно.

– Как-то не верится во все это, они вместе уже двадцать лет.

– У него есть молодая любовница. Роман длится не один год, так что это, скорее всего, серьезно.

– Бедная Алечка. Но как же она представила вас, ведь Алексей должен догадаться?

– Вы знаете Александру Александровну, тетку Алевтины? Меня представили как дальнего родственника, крестника Александры Александровны, недавно приехавшего из Неглинска. Настя, вы обещали рассказать обо всем, что случилось с вами и Ириной в эти дни.

Мой рассказ затянулся. Валерий внимательно слушал, лишь изредка уточняя что-либо. За разговором мы забыли об ужине. Иринка задерживалась. Апрельские сумерки придавали мистической таинственности в мой рассказ. Я встала, чтобы включить светильник, как вдруг из Иркиной квартиры раздался нечеловеческий крик. Несколько секунд мы с Валерием непонимающе смотрели друг на друга, а потом, как по команде, ринулись туда.

Дверь была закрыта. Мы стучали, звонили, нам никто не открывал, хотя мы слышали плач Иринки. Валерий хотел вскрыть замок, когда я вспомнила, что у меня есть ключ. Плач не прекращался. Я с трудом попала в замочную скважину. Наконец, мы оказались внутри.

Глава 3

«Сегодня самый главный день. Мне надо готовиться к завтрашнему радению. Я не знаю, что должно произойти завтра ночью, но, вероятно, что-то очень важное. Как же я боюсь.

Хотя Феофания учит нас не бояться того, что неизбежно, все-таки после завтрашнего дня моя жизнь должна измениться. В прошлый раз, когда было радение Света для старших девушек, я больше и не видела своих подружек. Теперь все они сидят дома. Каждый раз на радении Света, молодым девушкам подбирают мужа, и они больше не могут выходить на улицу. Они даже не участвуют в дневных радениях, обязательных для всей общины. Имена их будущих мужей скрывают ото всех. Они вступят в брак в день Седьмого неба. Тогда, может быть, удастся снова поговорить с ними. Хотя, наверное, я буду в это время сидеть закрытая дома и ждать своего Седьмого неба. Хорошо бы мне достался в мужья Силантий. Я несколько раз наблюдала за ним, прикрывшись платом, когда мы были на работах. Как же он красив! Но наш великий Кормчий сам выбирает нам мужа. И разрешит ли мне муж взять с собой мать? Она совсем больна в последнее время и послушания даются ей с большим трудом. Если я уйду, то моя мать не проживет долго на этом свете. Я должна молиться, а в голову лезут другие мысли. Вот и мама плачет, я же вижу ее слезы из-под плата. Интересно, а мои подружки тоже боятся радения Света?

Видана в последнее наше занятие, которое проводила с нами наша Феофания, так ждала этого дня. Ей надоело жить в родительском доме и она давно уже завидовала замужним подругам. В доме Виданы очень строгий отец. Когда он возвращается с ночных радений, поднимает всех детей и заставляет их кружиться, а потом достает розги. А вот я и не знаю, как бьют эти розги, хотя их прочувствовал каждый член нашей общины. Говорят, что через боль к нам нисходит благодать Божья. Не знаю. Я люблю нашего Бога, люблю нашу Богородицу. Хотя они в нашей общине совсем недавно, до этого у нас был другой Кормчий. Но потом он куда-то исчез как раз в день Седьмого неба. И в этот же день вся община закрылась на общее моление. Оно продолжалось несколько дней, и небеса нам прислали другого. Сегодня ко мне домой придет Феофания. Теперь мы больше не будем приходить на ее занятия, и она должна посетить всех девушек на дому. А вот и она».

– Мир вашему дому. Как ты, Гаяна? Готовишь дочь к радению? Ну а ты, читала ли ты молитвы благодарения, Аста?

– Да, мудрая Феофания. Я готовлюсь.

– Вот и хорошо. Теперь я должна рассказать тебе о благодати, которая сойдет на тебя в день радения Света. В этот день ты, Аста, должна стать женщиной и наш великий Кормчий подберет тебе мужа. Ты должна слушаться его во всем. Не забывай, что он – воплощение Бога на земле. Готова ли ты, сделать все, что повелит тебе великий Кормчий?

– Да, мудрая Феофания.

– Еще в этот день ты должна очиститься от всяких дурных помышлений. К принятию благодати надо прийти с чистыми помыслами. Именно поэтому, ты в первый раз на радении испробуешь силу розог от твоего повелителя. И помни, чем больнее удары, тем сильнее к тебе любовь Кормчего.

– Хорошо, мудрая. Я готова.

– После завтрашней ночи к тебе каждый день будет приходить твой избранный муж и на домашних радениях, он будет приучать тебя к розгам и кружениям. В день Седьмого неба, ты покинешь дом своей матери и отправишься жить в дом к своему мужу. Помни, что с завтрашнего дня – он твой господин. Его волю ты должна выполнять неукоснительно. Ну а теперь, готовься, девочка, – голос Феофании неожиданно дрогнул.

Вот уже несколько десятков лет, она готовит девочек к этому их переходу во взрослую жизнь. Но каждый раз, видя растерянность в этих, совсем еще детских лицах, начинает сомневаться в правильности учения Кормчего. Но никто не должен догадываться об этих сомнениях в вере. Сегодня ночью она привычно возьмет в руки розги и привычными движениями будет вместе с болью и кровью изгонять смуту из своего сердца. В этот раз она должна подготовить пять девочек, пришла их пора. Теперь они станут полноправными членами общины, будут работать наравне со всеми и рожать детей.

До пятнадцати лет она учила их грамоте, молитвам. Они вместе молились и работали летом на послушаниях. Она учила их лечить травами и шить одежду. И вот пришло время отпустить их во взрослую жизнь. Некоторые, такие как Видана, давно созрели для взрослых послушаний и семейной жизни. Что-то такое появилось во взгляде, что Феофания только и думала, как сохранить их до радения Света. За все время, пока она готовила девочек, был только один случай, когда на радении оказалось, что ее воспитанница – не девственница. Этот позор она помнит до сих пор. Провинившуюся сослали в другую общину. Там на нее на семь лет наложили исправление. Она должна выполнять самую грязную работу, и с ней не могли разговаривать другие жители общины. В прошлом году, к ним на исправление прислали Аркадию по той же причине. Страшнее участи трудно и представить, разве только изгнание. Но изгнание – это всего лишь смерть, а исправление – каждодневное унижение всеми членами общины. С ней бояться разговаривать не только женщины, но и мужчины. Питается она объедками, а ночует в специально построенной для нее черной избе, холодной и маленькой. Каждый мужчина по очереди радеет с ней. От каждодневных побоев ее скрутило, она и ходит как-то боком, а ведь совсем молодая.

Только бы в этом году ее девочки не подвели, но уже завтра все будет ясно. Что-то на общих радениях все реже можно видеть Матушку – Богородицу. Поговаривают, что больна она. А если Матушка, не приведи Господь, умрет, что будет с общиной? Кормчему нужна Богородица. А ей может стать только родственница по крови – мать, дочь, сестра.

В день радения Света вся община собралась на общую молитву. Глаза многих матерей были заплаканы, они прятали их под низко подвязанными платами. Все пять девочек, приготовленных к ночному радению, были одеты в белые платья. Они были возбуждены и растеряны. Их построили особняком в молельном доме, называемым Кораблем. Они опустили на колени, склонили головы, украшенные белыми венками с вплетенными ветвями священной березы, приветствуя Кормчего и Великую Матушку. Так они должны были стоять все моление. Только подвижной Текусе трудно было удержаться на одном месте. Она перебирала край платья, то и дело, вскидывая взгляд из-под пушистых ресниц. На радение Света иногда приезжали мужчины из соседних общин, которые впоследствии становились кандидатами в мужья. Текуса пыталась разглядеть в толпе молящихся незнакомые лица. Ей не терпелось. Ожидание чуда, которое преследовало ее в последнее время, достигло апогея. Она искоса поглядывала на подруг. «Как они могут так спокойно молиться?», – Думала девочка. Вот великий Кормчий благословил паству березовой ветвью. Девочки поднялись с колен. Теперь Текуса, уже не скрываясь, рассматривала мужчин, отделяющихся от толпы. Мимо девушек проходили все жители общины. Настало время общего радения у священного дерева.

Большая белая береза росла рядом с молельным домом. Это дерево почиталось всеми жителями общины. Именно здесь давали благословение на общие радения. И ветви, для розог, через которых снисходит благодать Божья, брали только с этого дерева. Говорят, их община возникла, когда благословенные старцы искали убежища от преследовавших их сынов антихриста. Пробираясь через горы, они, устав, прилегли под стоящей одиноко, совсем еще молодой, березкой. Во сне, им явилась пресвятая Богородица. В руках она держала березовую ветвь. Указав им на эту ветвь, она сказала, что отныне, они могут ничего не бояться под сенью этого дерева. Оно защитит их не только от врагов внешних, но и от врагов, разрушающих их душу.

А еще повелела им Пресвятая Дева построить на этом месте Корабль Веры, на который, взять всех, кто придет в их общину с чистым сердцем. Проснулись старцы, стали друг другу сон рассказывать, а оказалось, что видели они одно и то же. Пока обсуждали чудо великое, показались их преследователи. Притихли наши праведники, понимая, что ни укрыться, ни сбежать они уже не успеют. Да только и здесь проявилась милость Божия. Прошли мимо них антихристовы посланники, а старцев наших не заметили. С тех пор и основали старцы общину, назвав ее Березовое благословение. Все, кто приходили к ним, оставались в этой общине. А от тех, кто хотел разрушить старые заповеди, община была скрыта.

Все это, девушкам, рассказывала Феофания. И теперь, они с трепетом и любовью смотрели на старое дерево, распустившееся молодыми нежными листочками. Взявшись за руки, с молитвенным пением вели хоровод вокруг священной березки. Вот Кормчий, с поклоном, подошел к нему, обломил ветвь. Девушки выстроились для первого благословения. По одной подходили к Кормчему, и, опустившись на колени, ожидали троекратного удара этой ветвью. Когда дошла очередь Асты, она загадала, если удар ветвью будет сильной, значит, муж разрешит ей взять свою мать в их дом. Но Кормчий лишь слегка коснулся. Теперь девушек проводжали в отведенную специально для них, комнату невест, где они могли отдохнуть и набраться сил для ночного радения.

Видана первой подскочила к маленькому окошку. «Подруженьки, а ведь сейчас великий Кормчий решает, кому какой муж достанется. Ох, и бьется сердце», – Видана в нетерпении мерила шагами маленькую комнату. Аста устало опустилась на прикрытую белым холстом лавку. «Ну что ж, ждать осталось недолго. А что вы знаете про тайное радение?», – любопытная Текуса стремилась узнать то, что от девушек скрывали до самого последнего момента.

Между тем, пятеро избранных в мужья, приносили благодарственные дары великому Кормчему. Каждому из них пришлось немало времени провести на раскопках и очистке добытой породы, чтобы в этот благословенный день, принести свою горсть разноцветных камней за свою невесту. Эта горсть камней была обязательной платой за право взять себе жену. При этом они могли выбрать понравившуюся им девушку, правда, за это надо было принести в дар еще одну горсть камней. Вот сейчас, среди двух претендентов, возник спор. Им обоим нравилась Видана, и каждый принес дар выбора. Их спор должен был разрешить Кормчий. Взвесив на руке принесенные камни, он определил право на Видану за Корнеем. Остальным определил невест по своему усмотрению. Теперь нетерпеливым мужьям надо было дожидаться ночи, где они в первый раз должны овладеть своими женами под пристальными взглядами присутствующих мужчин, а затем, взять в руки розги...

Глава 4

Картина, открывшаяся нам, заставила остановиться на пороге. В небольшой прихожей на полу сидела Ирка, сжимая в руках старенькую детскую курточку. А над ее головой, мерно раскачиваясь, висела кошка.

Увидев нас, Ирка подняла заплаканные глаза и пробормотала что-то нечленораздельное, протягивая нам смятый листок, на котором было напечатано: «Мама, пусть Мурлыка пока побудет у тебя». Сквозь ее всхлипывания нам удалось разобрать, что повешенная кошка – Мурлыка, которая жила в детском садике, куда ходила Дашенька. Девочке она очень нравилась, она не раз уговаривала маму взять ее домой. Все это Ирка рассказывала по дороге в мою квартиру, куда мы с Валерием отвели измученную женщину подальше от мертвых кошек и страшных записок. На наш шум из своей квартиры высунулась заспанная Татьяна, но, заметив Валерия, быстро ретировалась.

Накануне своего исчезновения, девочка очень просила маму забрать из детского садика кошку. Она жаловалась на Вовку, который чуть не задушил всеобщую любимицу. Ирина довольно резко отказала дочери, и Дашутка проплакала всю дорогу.

– Обещай мне, что не будешь одна заходить в свою квартиру. Кто-то целенаправленно сводит тебя с ума, – я пыталась хоть как-то оградить подругу. Тогда я еще не знала, что травля только набирает обороты, и нам еще придется столкнуться с чем-то пострашнее мертвой кошки. Пока я отпаивала соседку горячим чаем, Валерий, взяв ключи, решил осмотреть ее квартиру, а заодно и убрать несчастное животное. А Ирина, устав от свалившихся на нее переживаний, вяло пересказывала подробности своего похода к Ольге. Ей удалось раздобыть фотографию Григория, правда, это был групповой снимок, но Сизов получился достаточно четко.

– Настя, мне не совсем удобно. Могу я воспользоваться твоей ванной? – даже свалившиеся неприятности никак не отразились на Иркиной вежливости.

– Конечно. Я дам тебе чистое полотенце и новый халат, – я отправилась в комнату за вещами.

– Ты извини, я совсем не могу сейчас зайти в свою квартиру, – женщина безвольно следовала за мной по пятам. Мы вместе набрали ванну, а когда я выходила – поймала Иркин взгляд. Ничего страшнее я никогда в своей жизни не видела. В глубине ее зрачков читалось такая боль, такое отчаяние, что я вернулась, обняла ее за плечи, и, покачивая как ребенка, долго шептала ей на ухо: «Успокойся, девочка. Все будет хорошо. Мы обязательно отыщем Дашутку, обязательно подарю ей замечательного пушистого котенка». Я говорила и говорила, пока в дверь не позвонили. Это был Валерий.

– Куда дели кота? – шепотом спросила я.

– Мне повезло. В соседнем дворе нашел дворника и попросил похоронить его. Не знаю, что надо делать в таких случаях. Но не мог же я его выбросить, – прошептал он в ответ, – Настя, я, наверное, пойду. Вам надо уложить Ирину. Очень прошу, если что-то пойдет не так – звоните в любое время суток. Мне надо навести кое-какие справки. Давайте встретимся завтра утром и обсудим дальнейшие действия. Пожалуйста, не предпринимайте ничего самостоятельно. Постарайтесь, по возможности, не выходить из квартиры и никого не впускать. Спокойной ночи, – прошептал он, и его взгляд, будто зацепившись за мои глаза, выдал интерес. Или мне показалось?

Воспользовавшись тем, что Иринка все еще была в ванной, я села за компьютер. Открыв страничку, куда записывала разные идеи, приходившие в мою голову, я, торопясь, будто боясь быть уличенной, записала:

Представь, мой друг, тебе рисует

*Весенний ветер в облаках
Полупрозрачность поцелуя
И нежность шалую в слезах.
И умилением разбужен,
От зимней дремы вековой,
Ты вновь летишь навстречу ветру,
Оставив под собой покой.
Где в разноцветье утопает
Душа, нагая, как рассвет,
Переливаясь и играя.
Там ни зим, ни дней, ни лет.*

Быстренько закрыв файл с таким художеством, призадумалась. «Настасья, ты не писала стихов без малого, лет двадцать. И хоть вирши твои явно слабоваты, но уже самым своим появлением, настораживают. Уж не влюбиться ли ты решила, матушка? Это тревожный синдром. Да еще когда! Когда маленькую девочку похитили неизвестные подонки. Когда ее мать на грани, а может, и за гранью, нервного срыва. Похвально, Анастасия! Не ожидала от тебя такой черствости. Срочно вспомни все свои прививки. Хотя бы Дениса, а еще лучше – супруга», – но весь этот монолог моей совести почему-то мало меня задевал. Я прислушивалась к звону маленьких колокольчиков, и мне совсем не хотелось вспоминать ни Дениса, ни бывшего мужа, ни кого-нибудь другого. Так бы и сидела, уставившись на заставку рабочего стола, если бы Ирина не окликнула меня.

Решив, что рано утром Ирина пойдет в детский сад и покажет фотографию Светлане Эдуардовне, я уговорила ее лечь спать, напоив снотворным. Но самой не спалось. Прислушиваясь к Иркиному дыханию за стеной, я пыталась из разрозненных фактов сложить цельную картинку.

Девочку похитили явно не из-за выкупа. Похититель мог бы рассчитывать на шантаж Сизовых, у Иринки брать нечего. Но это вряд ли, по всему видно, что похититель действовал по обдуманному плану, а это значит, про родительские чувства Гришки он должен был знать. Если совсем оторваться от действительности, можно предположить, что у такого мерзавца возникло желание увидеть свою дочь. Но зачем так все усложнять, зачем этот спектакль с отрезанной головой? К чему эта голова? Она могла оказаться в Иркином холодильнике с единственной целью – запугать женщину. Теперь у меня не возникало сомнений, что это муляж, хоть и сделанный весьма натуралистично. И каков мерзавец! Спокойно разгуливает по квартире, хозяйничает там, подкладывает свои страшилки, затем свободно их забирает. А повешенная кошка? Откуда этот доморощенный режиссер триллера мог знать о кошке? Он или подслушал разговор мамы и дочери накануне или тщательно расспрашивает девочку. А это вселяет надежду, скорее всего Дашутка жива. Мой внутренний голос не просто говорил, он кричал об этом. И как-то все связано с детским садом, причем, скорее всего, Светлана Эдуардовна – лишь марионетка. Ее подставили. Уж не Любовь ли Аркадьевна связана с похитителями? Надо постараться разузнать об этой даме.

Мысли стали путаться, но сна так и не было. Пришлось встать и пройти на кухню за таблеткой. Проходя мимо комнаты, где спала Иринка, я постояла, прислушиваясь. Там было тихо. Когда опять легла, мой мозг начал «выкидывать» картинки происшедшего, то я в подробностях вспомнила Гришкину голову, лежащую на праздничном блюде, кивающую мне, будто соглашаясь с моими доводами. То вдруг отчетливо представила, как этот негодяй подвешивает кошку, любимицу ребятишек. Чувствуя, что если я дальше буду представлять себе подобные сцены, то уснуть мне вряд ли удастся, даже с помощью снотворного. Поэтому я разрешила своей сове-

сти спрятаться на время, и дала волю фантазиям, где главными действующими лицами были я и Валерий. И с фразой: «на чей вопрос ищу ответ, играя в мозаичность слов», вынырнувшей откуда-то, я блаженно уснула.

Ирине не спалось. Она старалась лежать тихо, чтобы не беспокоить Настю, которой и без того в последнее время доставила немало хлопот. В голове вихрем проносились события последних счастливых лет. Вот Дашенька, покачиваясь и протягивая ей ручки, делает первый шаг. И первое слово, совсем маленькая она звала ее: «Мака». Иринка шутила: «все мамы как мамы, а я макака какая-то», пока не поняла, что ее девочка связала воедино, «какая мама». Утро, когда у дочки прошла температура, и врачи сказали, что кризис позади. В тот день она накупила выздоравливающей девочке много игрушек, потратив все деньги, которые копила на сапоги. Совсем недавно, решив, что дочери пора научиться рисовать не только карандашами, она приобрела альбомы, кисти, акварельные краски, и они с маленькой художницей весь вечер учились ими пользоваться. Оставив ненадолго дочь одну, она застала ее за самозабвенным раскрашиванием листа в темно-синий цвет. На вопрос, что она рисует, Дашенька недоуменно подняла глаза, и, удивляясь непонятливости мамы, сказала, что рисует дворец и принцесс, прибывших на бал. «Но почему весь листок синий? И где эти принцессы?». Дашутка как-то снисходительно начала объяснять непонятливой маме, что просто погода плохая, и принцесс не видно за дождем.

Ирине очень хотелось плакать, но слез не было, не было ничего, кроме этих воспоминаний, которые, как ей казалось, давали возможность хотя бы дышать. Она пыталась строить версии, но когда она возвращалась в реальность, где ее дочку украли, что-то щелкало в ее голове, и она опять представляла картинки из недалекого, но, кажущегося уже таким недостижимым, прошлого. Она слышала, как Настя прошла на кухню, остановившись у ее дверей. Потом все стихло. Ирина долго вслушивалась в звуки, доносящиеся из подъезда. Кто-то поднимался по лестнице, но до их этажа не дошли. Хлопнула дверь у Кузьминичны. Потом все стихло. Ей почему-то казалось, что если она уснет, с Дарьей случится что-то плохое. И женщина боролась со сном, гнала его от себя. Но все-таки она заснула.

Разбудила смска, пришедшая с незнакомого номера: «Мама, почему ты оставила меня дома одну, мне страшно». Женщина рванулась в свою квартиру. В коридоре привычно щелкнула выключателем, но света не было. Обезумевшая мать металась по темным комнатам с криком: «Доченька, ты где?». В ответ из спальни донесся детский плач. Толкнув закрытую дверь так, что та еле удержалась на петлях, Ирина в растерянности остановилась. Комната была пуста, окно распахнуто, а на подоконнике сидела Дашуткина игрушечная собачка и плакала голосом девочки. Женщина подскочила к окну, схватила игрушку, обняла ее и ступила на подоконник.

Глава 5

Кто-то тряс меня за плечи. Я не сразу поняла, кто это и что случилось. Надо мной склонилось испуганное лицо Таньки. Она что-то кричала про Ирину, тянула меня за руку. Когда поняла, что случилось, я выбежала из квартиры, даже забыв обуть тапочки.

Еле успеваю за мной, бежала Татьяна. Лестничная площадка третьего этажа была забита людьми. Из квартиры Марьи Васильевны вышли люди в белых халатах. Они несли на носилках тело. Я вздохнула с облегчением. Вначале показалась голова. Все знают, что медики народ суеверный, они никогда не вынесут живого человека вперед ногами. А это значит, что Иришка жива.

Жизнь женщине спасли бельевые веревки. Те, кто строил наш дом, почему-то посчитали, что на восемьдесят квартир вполне достаточно тридцати балконов. В результате треть наших хозяек столкнулись с довольно серьезной проблемой сушки белья. В нашем дворе постоянно растянуты веревки, на которых сохнут такие предметы туалета, которые лучше скрыть. Из-за места во дворе постоянно возникают скандалы. Ну никак наши дамы не могут установить очередность своих банно-прачечных процедур.

Вспоминается даже великая война между тетей Тоней и Варварой Алексеевной. Прошлым летом, каждый день они соревновались, кто первая займет злополучные веревки. Каждая норовила встать пораньше, чтобы успеть развесить свое белье до прихода конкурентов. Не знаю, сколько порошка извели эти заклятые подруги в то лето, но стирали они ежедневно.

Сначала мы пытались шутить, пробираясь каждое утро среди мокрых простыней и застиранных рубашек. Потом их противодействие обрело более агрессивные методы. Как-то утром, весь дом был взбудоражен криками Варвары Алексеевны, сопровождавшимися ударами в дверь тети Тони. Варвара Алексеевна успела занять вожаемые веревки в четыре часа утра. Устав от ночной стирки, и рассудив, что на сегодня она одержала победу, старушка отправилась отдохнуть. Когда к десяти часам она спустилась, чтобы проверить белье, то была шокирована. На веревках болталось исподнее Антонины, а ее простыни бесследно исчезли. Побродив по двору в поисках украденного, она, наконец, нашла свои вещи, спрятанные за большую трубу, неизвестно кем брошенную за сараями. Ее простыни, подвергавшиеся каждодневной стирке, чьей-то безжалостной рукой были брошены в самую грязь. Сорвать белье Антонины ей не дали соседки, к десяти часам занявшие свою лавку во дворе. Обиженная Варвара Алексеевна бросилась в квартиру Антонины. Но последняя, явно не ожидавшая такого натиска, из-за закрытой двери кричала в ответ, что она не знает, кто спрятал белье за трубу. После этого случая Клавдия Александровна решила установить график пользования веревками. Хотя и тут наши активные бабушки находили повод для ссор – то их день выпадал на какой-нибудь праздник, и стирать они не собирались, то капризы природы подливали масла в огонь. Поэтому каждая из хозяек находила альтернативные места для просушки.

Многие изготавливали самодельные сушилки. Укрепляли на ночь за окошком и развешивали простыни. Днем эти конструкции приходилось снимать. По мнению работников ЖЭКа, подобные архитектурные излишества лишали наш дом эстетического облика. Спорно, эстетику постсоветского пофигизма, мог испортить только взрыв. Эта конструкция, установленная Марьей Васильевной, и сохранила жизнь нашей Иришке. Она не просто запуталась в веревках, но и зацепилась халатом за шпингалет. Марья Васильевна до своей пенсии легко справлялась с мешками цемента на стройке, поэтому затащить легкую Иринку не составило труда. Сразу же вызвала «Скорую» и наряд милиции. Женщину отвезли в больницу, заверив нас, что жить пострадавшая будет.

Мы с Татьяной поднялись в мою квартиру. Я поставила чайник, о сне даже и не думалось. Да и Татьяна и ждала услышать подробности. И тут я вспомнила, что квартира Иринки, наверняка, не заперта.

Отыскав запасной комплект ключей, я попросила Татьяну сходить со мной. Не то, чтобы я боялась заходить туда, но в нынешней ситуации лучше иметь свидетеля. Мы прошли в квартиру Иринки, и там, на полу я увидела Иркин мобильник. Что-то подсказывало мне, что он как-то связан с ее падением. Стараясь не оставлять своих отпечатков, взяла его с помощью носового платка. Быстро просмотрев входящие, я убедилась, что ночью звонков не было. Тогда я открыла меню сообщений.

А вот и разгадка. Номер, с которого сообщение было отправлено, был достаточно простым. Мне удалось его запомнить. Оставив все на своих местах, мы спешно ретировались.

Мы сидели с Татьяной на кухне, и я, в общих чертах, рассказывала о том, что пришлось пережить Ирине за последние дни. Татьяна лишь прищелкивала языком.

– И что, так и не удалось выйти на след девочки?

– Как мне известно, нет. По-моему, они не очень-то и торопятся.

– А что это за мужчина, который вместе с вами выходил из Иркиной квартиры? – В этом вопросе вся Танька. Что бы не случилось, она никогда не потеряет интерес к мужчинам. Но этот вопрос, почему-то вывел меня из себя. Я решила напомнить подруге, что не далее чем вчера, она, в пьяном виде, хвалилась мне, что нашла свою любовь.

– Может, лучше ты расскажешь, что за роман переживаешь. Куда ты пропала на три дня?

– Ой, Настя. Какого я встретила мужчину! Ты не представляешь! Только между нами, хорошо?

– Он что, женат?

– Это, пожалуй, единственный его недостаток.

– Зато какой! Слушай, Танька, а ты не боишься, что когда-нибудь, одна из жен окажется ревнивой?

– Настюх, не пугай. Пуганные мы. Ты только представь – богатый, щедрый, а в постели...

– Да ну тебя, мне еще таких подробностей не хватало.

– Он – директор мясокомбината. Мы с ним на рынке познакомились. Ты же знаешь, что я торгую колбасами местными. Он приезжал, что-то с нашей директрисой обсудить, а потом решил по рынку прогуляться, чтобы самому, значит, убедиться, насколько его колбаска конкурентоспособна. Подходит ко мне, спрашивает, хорошо, мол, продается, а сам глазками не на колбаску, а в мое декольте. Я ему и отвечаю, что, не жалуемся, а сама плечики расправила, чтобы халатик на бюсте натянулся. Директор-то наш и «поплыл». «Если что не так», – говорит, а сам глаз с моего пятого размера не сводит, – «вы жалуйтесь. Вот вам моя визиточка». Ну, я и позвонила. Парень оперативный попался. В тот же день мы на турбазу и уехали. А там шашлычки, сауна... Короче, все замечательно. Слушай, Настюха, а ты-то что у нас все в девушках ходишь? Может, съездим как-нибудь, проветримся?

– Извини, Татьяна, я не люблю такие вот «проветривания». Да и тебе бы советовала не увлекаться. Ты же в прошлый раз слезы лила, когда тебя бросили.

– Вот я и не заводжу серьезных отношений. А что? Меня все устраивает. Знаешь, как мне девчонки базарные завидуют?

– Танюха, опомнись. Чему там завидовать? Хотя ты у нас девушка взрослая, решай сама.

– Ну, лучше красиво на время, чем никак, – это был глупый и грубый укол. Впрочем, я не обиделась. Да на нее и нельзя было долго обижаться. Но я стала уставать от этой бессмысленной болтовни. Ирка в больнице, я даже не знаю что с ней.

– Татьяна, у меня была очень тяжелая ночь. Да и тебе не мешало бы отдохнуть.

– Выгоняешь, подруга? Но мы люди негордые, – в голосе соседки зазвучала обида.

– Танюш, я, действительно, устала. У меня к тебе просьба. Если нетрудно, не могла ли ты сходить с утра в больницу к Иринке? Я не могу, у меня дела. А днем встретимся, поговорим. Ты же хочешь помочь найти Дашутку?

– Конечно, в чем вопрос. Ты же знаешь, на меня всегда можно положиться. – Уже в коридоре мы услышали звонок в дверь. От неожиданности Таня даже присела. – Что-то как-то многолюдно у нас для пяти утра. Ты не находишь? – Я промолчала в ответ.

На лестничной площадке стояли люди в форме. Вот и наша полиция. Молодой лейтенант, представившись, попросил нас пройти в квартиру Иринки. Второй полицейский пожевывал, борясь со сном. Татьяна сразу преобразилась. Я лишь удивлялась метаморфозам, которые происходили с моей соседкой, стоило в радиусе видимости появиться мужчине.

Перешагнув порог, я чуть не упала. Молодой лейтенант поддержал меня под руку. Света, почему-то не было, кто-то возился со щитком. «Слушай, Семенович. Я так и знал, что пробки». Наконец, свет был включен. Лейтенант за моей спиной, присвистнул. Конечно, увиденное могло впечатлить человека неподготовленного. Разруха в ванной не могла не заинтересовать людей в форме. Они с увлечением стали описывать разбитую раковину и осколок унитаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.